„Зарапортовались, товарищи!“

Намъ пишутъ изъ Лондона:

Англійскія газеты приводятъ выдержки изъ послѣдняго выпуска «Бюллетеней Международнаго Рабочаго Бюро Лиги Націй», относящіяся къ седьмому съѣзду профсоюзовъ въ Москвѣ., на которомъ обнаружилась хорошо извѣстная неприглядная картина рабочаго быта въ Россіи. По указанію самаго Комиссара Труда Шмидта, зарегистрированныхъ безработныхъ членовъ профсоюзовъ болѣе милліона (за 1926 годъ увеличеніе на сто тысячъ), всѣхъ же — не менѣе двухъ милліоновъ. Безработица среди молодежи, по его же признанію, ужасна: по даннымъ Комсомола, среди молодежи до 18 лѣтъ — свыше милліона безработныхъ. Делегаты съѣзда обрушились на Комиссаріатъ Труда и его органы, обвиняя ихъ въ бездѣятельности. Растетъ и число несчастныхъ случаевъ на заводахъ, увеличивающееся огромными шагами, вслѣдствіе плохого оборудованія и отсутствія предохранительныхъ приспособленій, введенію коихъ противятся сами же государственныя предпріятія, вслѣдствіе недостатка энергіи и настойчивости со стороны Наркомтруда и бездѣйствія фабричной инспекціи.

Таковы, въ общихъ чертахъ, признанія самаго авторитетнаго, казалось бы, лица въ составѣ совѣтскаго правительства.

Эти признанія не мѣшаютъ, однако, здѣшнимъ совѣтофиламъ описывать положеніе рабочаго класса въ Россіи въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ наше отечество предсѣдателя Союза молодежи при Независимой Рабочей партіи г. Эдвардса и г-жиСлэтеръ, сообщенный ими на-дняхъ на конференціи рабочихъ организацій въ Манчестерѣ, превосходитъ, въ отношеніи довѣрчиваго оптимизма, все до сихъ поръ исходившее отъ рабочихъ и соціалистическихъ делегацій, посѣщавшихъ Россію.

Вотъ подлинныя выраженія доклада: «Делегація пришла къ убѣжденію, что Россія стоитъ на твердомъ пути къ полному торжеству соціализма и что положеніе рабочихъ тамъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ въ любой европейской странѣ. Бѣдности въ Россіи болѣе не существуетъ и вездѣ царитъ довольство, такъ какъ всѣ увѣрены въ томъ, что ихъ будущее обезпечено. Рабочая молодежь смотритъ на Россію, какъ на свою страну, а на себя, какъ на будущихъ гражданъ, для которыхъ работа на фабрикѣ является прежде всего школой. Молодежь въ Россіи получаетъ такое прекрасное образованіе, что Россія должна несомнѣнно стать наиболѣе образованной и экономически сильною страною въ мірѣ. Положеніе, въ частности, каменноугольныхъ рабочихъ въ Россіи въ отношеніи условій труда неизмѣримо лучше, чѣмъ въ Англіи, и хотя плата лишь немногимъ ниже, но зато русскіе углекопы пользуются многими безплатными преимуществами въ смыслѣ комфорта, развлеченій и т. п., и работаютъ гораздо меньше.» И т. д. и т. д.

Даже болѣе чѣмъ радикальной Манчестеръ Гардіанъ, обыкновенно поддерживающій и поощряющій появленіе у себя благопріятныхъ большевикамъ благоглупостей гастролеровъ, на сей разъ сопровождаетъ передачу отчета разсужденіемъ, которое можно резюмировать двумя словами: «зарапортовались, товарищи!»

Е. С.

Нансеновскіе паспорта въ Болгаріи

Намъ пишутъ изъ Болгаріи:

Мы снова принуждены вернуться къ вопросу о такъ называемыхъ нансеновскихъ паспортахъ, ибо въ нищихъ колоніяхъ русскихъ бѣженцевъ въ Болгаріи стонъ стонъ отъ этой мѣры. Оставалась надежда, что власти, убѣдившись въ абсолютной неплатежеспособности русской массы, широко используютъ свое право выдачи паспортовъ по льготному тарифу (40 лв. вмѣсто 345 лв.). Но это ожиданіе окончилось жестокимъ разочарованіемъ. Во многихъ мѣстахъ, въ провинціи ближе стоящія къ русскимъ мѣстныя власти возбудили массовыя ходатайства о льготныхъ условіяхъ выдачи паспортовъ. Однако, центральныя столичныя управленія разъяснили, что льготы могутъ быть оказываемы лишь членамъ союза инвалидовъ и лицамъ, годичный окладъ коихъ не превышаетъ 3.000лв. Первая категорія охватываетъ горсточку людей, а вторыхъ. . . и вовсе нѣтъ, ибо кто за годъ зарабатываетъ 3.000 лв., т. е. 21-22 долл., тотъ умираетъ голодной смертью.

Возникаютъ два вопроса: первый, почему паспортъ стоитъ 345 лв., когда 5 золотыхъ франковъ равны лишь максимумъ 156 лв.? Кому же еще отходитъ 200 левъ изъ тощаго кармана русскаго бѣженца? И второй: какъ примирить суровое требованіе о выборкѣ русскими этого злополучнаго паспорта съ основнымъ закономъ конституціонной Болгаріи, согласно которому всѣ налоги на живущихъ въ Болгаріи могутъ быть возлагаемы лишь въ законодательномъ порядкѣ? Обязательность выборки русскими нансеновскихъ паспортовъ опирается на постановленіе совѣта министровъ. Мы убѣждены, что если бы это постановленіе приняло форму законодательнаго акта, то стонъ несправедливо облагаемыхъ жестокимъ налогомъ русскихъ бѣдняковъ достигъ бы слуха народныхъ представителей и они воздержались бы отъ излишне ретиваго осуществленія женевскаго мѣропріятія.

Намъ извѣстны случаи, когда люди принуждены продавать послѣдній скудный бѣженскій скарбъ, чтобы удовлетворить требованіе властей и пріобрѣсти паспортъ, который ничего, кромѣ непріятностей русскимъ не даетъ. . .

Н. Николаевскій

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— Испанское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало сообщеніе, въ которомъ заявляетъ, что оно раздѣляетъ взгляды, высказанные въ англійскомъ меморандумѣ по китайскому вопросу.

— Комиссія американскаго Сената одобрила резолюцію объ отсрочкѣ на годъ введенія въ дѣйствіе новаго закона объ иммиграціи, согласно которому квота каждой страны исчисляется пропорціонально числу проживающихъ въ Соед. Штатахъ выходцевъ изъ данной страны.

— Американскій Сенатъ, несмотря на открытое сопротивленіе президента Кулиджа, принялъ поправку объ открытіи кредита на немедленную постройку трехъ крейсеровъ. Палата представителей отвергла ту же поправку.

— Между Англіей и Германіей начались переговоры объ отмѣнѣ визъ. Съ другой стороны, англійское правительство обсуждаетъ вопросъ о цѣлесообразности возстановленія визъ для французовъ, въ качествѣ отвѣта на недавнюю мѣру французскаго правительства.

— Высланный изъ Мексики епископъ Табаскскій монсиньоръ Діасъ прибылъ въ Нью - Іоркъ. Онъ выразилъ увѣренность въ томъ, что католическая церковь выйдетъ побѣдительницей изъ конфликта съ государствомъ.

— Ликторскій заемъ въ Италіи далъ свыше трехъ милліардовъ лиръ.

Въ Совѣтской Россіи

ОПЯТЬ КОНФЛИКТЪ НА КОНЦЕССІИ ЛЕНА - ГОЛЬДФИЛЬДСЪ

Правда (27 января) сообщаетъ:

На концессіон. предпріятіи Лена-Гольдфильдсъ возникъ конфликтъ между районнымъ комитетомъ союза горнорабочихъ и управленіемъ. Послѣдній требуетъ достаточнаго снабженія рабочихъ дровами и правильной выплаты заработной платы.

КОНФЛИКТЪ НА КОНЦЕССІИ ГАРРИМАНА

«Извѣстія» (29 янв.) сообщаютъ:

«Прерваны переговоры между союзомъ горняковъ Грузіи и концессіоннымъ о-вомъ «Грузинскій марганецъ» о заключеніи новаго коллективнаго договора. Стороны къ соглашенію не пришли».

ЧѢМЪ ПОХВАЛЯЛИСЬ ТРОЦКІЙ И ЗИНОВЬЕВЪ ИДУЧУ ВЪ БОЙ

Въ Петроградѣ на только что закончившейся партійной конференціи, выступившій съ рѣчью Угановъ остановился на вопросѣ о внутрипартійной борьбѣ и сказалъ, между прочимъ:

— Товарищъ Троцкій, подготовляя новую атаку, вмѣстѣ съ всей оппозиціонной ратью, говорилъ: «Не увлекайтесь! Если вы въ десять дней сумѣли снять ленинградскую верхушку, то, какъ бы не пришлось Москвѣ поплатиться за это: мы сумѣемъ снять у васъ всю верхушку, въ два дня... Тов. Зиновьевъ въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми товарищами, говорилъ: «Что вы дѣлаете? Куда идете? Вы же безъ насъ въ два мѣсяца провалитесь»....

РУССКІЕ САМОЦВѢТЫ

Въ «Правдѣ» повѣствуется о судьбѣ треста «Русскіе самоцвѣты». Уже давно распространились слухи о какомъ то неблагополучіи въ этомъ трестѣ, и предсѣдатель правленія уже выступалъ съ разъясненіемъ по этому поводу въ «Эк. Жизни», утверждая, что всѣ эти слухи ни на чемъ не основаны. Тѣмъ не менѣе Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства была произведена ревизія дѣятельности треста. Въ результатѣ этой ревизіи установлено, что «сумма затовариванія самоцвѣтами выражается въ цифрѣ 964.000 руб.», и что экспортный планъ треста выполненъ только на одну треть. Комиссія пришла къ выводу, который гласитъ: «катастрофическое финансовое положеніе выязилось особенно рѣзко въ первомъ кварталѣ текущаго операціоннаго года въ томъ, что трестъ не могъ выплачивать заработную плату, выкупить выписанное изъ за границы оборудованіе, а самое выполненіе производственной программы на 1926-27 г.г. сдѣлалось невозможнымъ. Балансъ оборотныхъ средствъ выражается активомъ въ 1.253.000 рублей и пассивомъ въ 2.177.000 рублей».

БУРИ ВЪ СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ

«Правда» сообщаетъ, что радіо-станція въ Новороссійскѣ за послѣдніе дни приняла много сигналовъ о бѣдствіяхъ съ гибнущихъ на Средиземномъ морѣ пароходовъ. На Средиземномъ морѣ бушуетъ небывалый штормъ.

КАКЪ ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ АНГЛІИ

Въ «Правдѣ» отъ 27 января напечатано письмо за подписью Ленина къ англійскому коммунисту Тому Беллу въ 1921 году, бросающее свѣтъ на то, какъ коммунисты подготовляютъ соціальную революцію въ Великобританіи. Это письмо, имѣющее значеніе историческаго до[illegible]ита чрезвычайно любопытно, какъ [illegible]ель той гибкой и осторожной [illegible] которую примѣняютъ большевики.

Ленинъ писалъ это письмо по поводу вступленія въ 1921 году федераціи горняковъ Южнаго Уэльса въ Красный Профинтернъ. Въ этомъ письмѣ онъ заявлялъ

«Ваше сообщеніе чрезвычайно интересно. Можетъ быть это начало настоящаго пролетарскаго движенія въ Великобританіи въ коммунистическомъ духѣ... Возможно, что это начало новой эры. Экономическія мѣропріятія (въ родѣ общественныхъ кухонь) хороши, но они не особенно важны теперь до побѣды пролетарской революціи въ Англіи. Теперь важнѣе всего политическая борьба».

Далѣе Ленинъ указывалъ на необходимость созданія ежедневной рабочей газеты, «изъ которой могла бы развиться настоящая пролетарская коммунистическая газета». *«Мы должны быть* — писалъ Ленинъ — *очень осторожны. Газета не должна быть въ началѣ слишкомъ революціонной. Если вы хотите имѣть 3-хъ редакторовъ, то по меньшей мѣрѣ одинъ изъ нихъ долженъ быть не коммунистомъ».*

ИНТРИГИ БОЛЬШЕВИКОВЪ СРЕДИ БѢЛОРУССОВЪ

Варшава, 31 января.

Мы уже сообщали о назначеніи третейскаго суда по дѣлу депутата Воеводскаго, лидера независимой крестьянской партіи въ польскомъ сеймѣ въ связи съ сенсаціоннымъ разоблаченіемъ газеты «Глосъ Правды», Воеводскій, котораго печать уже прозвала «польскимъ Азефомъ», обвиняется въ томъ, что онъ одновременно велъ революціонную пропаганду среди бѣлоруссовъ и агитацію въ пользу присоединенія къ СССР на восточныхъ кресахъ, являясь тайнымъ агентомъ ГПУ, и состоялъ на службѣ у польской военно - политической полиціи. Въ 1924 г. большевицкая чека раскрыла двойную игру Воеводскаго и взяла съ него обѣщаніе, что онъ впредь будетъ работать исключительно для большевиковъ. Разоблаченія произвели большое впечатлѣніе въ парламентскихъ кругахъ.

Вице - предсѣдатель совѣта министровъ Бартель заявилъ, что немедленно по опубликованіи указанной статьи онъ принялъ мѣры къ провѣркѣ сдѣланныхъ противъ Воеводскаго обвиненій. Собранные Бартелемъ документы подтверждающіе правильность этихъ обвиненій были переданы предсѣдателю Сейма Ратаю, который немедленно назначилъ депутатовъ Тугута и Хачинскаго третейскими судьями по дѣлу Воеводскаго. Тугутъ отказался и на его мѣсто былъ назначенъ Понятовскій. Суперъ - арбитромъ избранъ, какъ уже сообщалось, соціалистъ Дашинскій. Свой отказъ Тугутъ мотивировалъ тѣмъ, что Воеводскій былъ членомъ партіи «вызволенія», которая знала о его работѣ въ генеральномъ штабѣ.

Независимая крестьянская партія постановила протестовать противъ обвиненій Воеводскаго въ провокаціи.

Между прочимъ, въ томъ засѣданіи Сейма, въ которомъ обсуждался вопросъ о выдачѣ бѣлорусскихъ депутатовъ, Воеводскій назвалъ министра юстиціи Мейштовича «екатерининскимъ холопомъ», намекая на то, что тотъ до революціи принималъ участіе въ организаціи сбора денегъ на памятникъ Екатерины II.

— Въ Иннсбрукѣ передъ зданіемъ итальянскаго консульства состоялась манифестація протеста противъ административныхъ мѣръ итальянскаго правительства въ Южномъ Тиролѣ.

— Количество безработныхъ въ Англіи снова уменьшилось за послѣднюю недѣлю на 42.318.

— Съ Мальты сообщаютъ, о томъ, что два аэроплана столкнулись въ воздухѣ и упали въ море.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ КАРЛОВАЦКАГО СОБОРА ПРОТИВЪ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ

Карловацкій Архіерейскій Синодъ 26 января имѣлъ сужденіе о церковной смутѣ, вызванной «противленіемъ» митрополита Евлогія постановленіямъ карловацкаго архіерейскаго собора и синода.

Въ своемъ постановленіи по этому вопросу синодъ перечисляетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя ставятся въ вину митрополиту Евлогію. Изъ нихъ важнѣйшая - демонстративное оставленіе собора архіереевъ, подрывъ высшаго церковнаго авторитета, неподчиненіе власти собора и синода, открытіе богословскаго института въ Парижѣ безъ синодальнаго разрѣшенія, запрещеніе еписк. Берлинскаго Тихона, разрѣшеніе запрещенному прот. Прозорову совершать службу и служеніе съ нимъ, прекращеніе посылки денежныхъ сборовъ въ синодъ, стремленіе навязать свое главенство заграничному епископату и т. д.

Постановленіе синода сводится къ слѣдующему: 1) митроп. Евлогія предать суду епископскаго «сословія» (такъ буквально сказано въ постановленіи синода); 2) въ качествѣ мѣры пресѣченія временно впредь до рѣшенія архіерейскаго собора и суда или до заявленія покорности, отстранить митроп. Евлогія отъ управленія западно - европейской епархіей и запретить въ священнослуженіи; 3) управленіе церквами поручить архіеп. лондонскому Серафиму, съ тѣмъ, что онъ можетъ пребывать въ Лондонѣ, или переѣхать въ Парижъ; 4) сообщить о постановленіи архіерейскаго синода главамъ православныхъ церквей, правительствамъ государствъ Западной Европы, архіепископу Кентерберійскому, а въ свое время довести до свѣдѣнія Всероссійской Церковной Власти.

***

Извѣщеніе о постановленіи карловацкаго синода митроп. Евлогіемъ было принято съ большой скорбью, но и съ полнымъ спокойствіемъ. Епархіальная жизнь и работа продолжается своимъ порядкомъ въ виду твердости той канонической позиціи, которую митроп. Евлогій занялъ и не считаетъ возможнымъ измѣнить.

На дняхъ митроп. Евлогій выѣзжаетъ въ Гамбургъ для совершенія торжественной службы въ день 25-лѣтняго юбилея Гамбургской церкви, о чемъ его усиленно просилъ гамбургскій приходъ.

МИТРОПОЛИТЪ ЕВЛОГІЙ ВЪ БОГОСЛОВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

Во вторникъ, 1 февраля, Митрополитъ Евлогій, освѣдомленный о глубокомъ волненіи, охватившемъ Богословскій Институтъ, посѣтилъ Институтъ.

На Подворьѣ Владыка былъ встрѣченъ со «Славою» (установленный церковный обрядъ встрѣчи правящему епископу).

Послѣ краткаго молебна въ храмѣ, гдѣ собрались профессора и студенты, Митрополитъ Евлогій обратился къ собравшимся съ пастырскимъ словомъ, въ которомъ повѣдалъ свою скорбь о происшедшихъ и уже извѣстныхъ слушателямъ, тягостныхъ рѣшеніяхъ Карловацкаго Синода, подтвердилъ свою преданность волѣ Свят. Патріарха Тихона и вытекающую отсюда неизмѣнность принятой имъ позиціи и призвалъ своихъ слушателей, взвѣсивъ все происшедшее и допросивъ свою совѣсть, по велѣнію ея голоса, избрать путь, по которому они намѣрены итти въ дальнѣйшемъ.

Изъ церкви всѣ перешли въ столовую Института, гдѣ отъ лица студентовъ 1-го курса. выступилъ слушатель Виноградовъ, отъ лица студентовъ 2-го курса — о. Г. Шумкинъ.

Смыслъ ихъ заявленій былъ слѣдующій: — Святитель, ты предлагаешь намъ избрать путь, по которому мы должны итти. Онъ уже рѣшенъ нашей совѣстью, и нами избранъ: мы всецѣло съ тобою и жаждемъ итти подъ твоимъ пастырскимъ руководствомъ.

Отъ лица профессуры, о неколебимой канонической преданности Митр. Евлогію, краткое слово сказалъ о. С. Булгаковъ.

По окончаніи офиціальной части пріема, Владыка Митрополитъ остался въ студенческой столовой и принялъ участіе въ обычной мирной трапезѣ студентовъ.

ПОЛЕМИКА О СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКѢ КРАМАРЖА

«Народное Освобожденіе», органъ легіонерской организаціи, въ послѣднее время все болѣе уклоняющейся въ сторону симпатій къ соціалистамъ и даже къ большевикамъ, — напечатало статью, въ которой обрушивается на славянскую политику К. П. Крамаржа. Газета приводитъ какой-то не очень умный отзывъ «Новаго Времени» о томъ, что государственная организація Чехословакіи не является устойчивой, и утверждаетъ, что та «черная реакція царской Россіи», которую Крамаржъ якобы выдаетъ за истинную національную Россію, — является враждебной по отношенію къ независимой Чехословакіи.

Органъ партіи К. П. Крамаржа «Народные Листы» отвѣтилъ на этотъ выпадъ заявленіемъ, въ которомъ, отмежеваясь отъ «Новаго Времени» указываетъ, что эта газета не можетъ считаться представляющей Національную Россію, и что въ недоброжелательномъ отношеніи нѣкоторой части русскаго Зарубежья къ Чехословакіи виновенъ не К. П. Крамаржъ, а скорѣе «тотъ государственный дѣятель, который давно прилагаетъ старанія, чтобы добиться отъ правительства признанія большевиковъ де юре и который написалъ цѣлое произведеніе, гдѣ неблагодарно и несправедливо стремится унизить довоенную Россію».

«Если нашъ народъ — справедливо заканчиваетъ газета — будетъ вѣренъ славянской идеѣ, которую защищаетъ и представляетъ Крамаржъ то не придется бояться что об[illegible]ная славянская Россія...отвернется отъ освобожденной Чехословакіи. Эта славянская Россія будетъ лучшей опорой нашей національной самодѣятельности».

(Въ основѣ этой полемики лежитъ, отчасти, какое то досадное недоразумѣніе. Насколько мы можемъ отсюда судить, бѣлградское «Новое Время» сейчасъ отнюдь не является газетой, которую можно было бы охарактеризовать, какъ органъ «реакціонный», и не сочувствующій независимости Чехословакіи, факту, для всѣхъ русскихъ, совершенно независимо отъ ихъ политическихъ направленій, являющемуся драгоцѣннымъ и непререкаемымъ общеславянскимъ достиженіемъ, за которое Россія заплатила кровью своихъ лучшихъ сыновъ. — РЕД.).

— Въ Англіи продолжается ростъ эпидеміи гриппа. За послѣднюю недѣлю число смертей достигло 725 (на 250 больше, чѣмъ на предыдущей недѣлѣ).

— Въ Берлинѣ покончилъ съ собой одинъ итальянскій членъ междусоюзной контрольной комиссіи.

— Изъ Ганоя (Индо-Китай) сообщаютъ, что изъ 53 арестантовъ, взбунтовавшихся и бѣжавшихъ изъ тюрьмы въ Лайчау, 11 убито и 5 пойманo. Охота за остальными продолжается.

— Гассанъ - Атрашъ, глава рода Атрашей, заявилъ французскимъ властямъ въ Сиріи о своемъ подчиненіи. Глава друзовъ Султанъ Атрашъ скрывается въ Заіорданьѣ.

— Прусскій министръ народнаго просвѣщенія далъ обѣдъ въ честь своего турецкаго коллеги, пріѣхавшаго въ Германію изучать постановку образованія.

— 21 и 22 февраля въ Гаагѣ состоятся торжества по случаю 250-лѣтія смерти Спинозы. Будутъ произнесены рѣчи гг. Леономъ Брунштиномъ (Парижъ), Карпомъ (Гаага), Гебгардтомъ (Франкфуртъ), Рава (Падуа), и Гарольдомъ Гефдингомъ (Копенгагенъ).

„Солнечный ударъ“ Ив. Бунина

Trajicit et fati litora mognus amor.

Великая любовь переступаетъ даже предѣлы Рока

Проперцій

Новый сборникъ Ив. Бунина «Солнечный ударъ» долженъ сдѣлаться настольной книгой каждаго любителя литературы: столько въ немъ внутренняго богатства, изящества, поэтической прелести, художнической мудрости, неожиданно новаго Какъ обычно у Бунина, лишнихъ словъ нѣтъ, все сжато, сосредоточено, сгущенно, все художественно необходимо. Почти каждое произведеніе этого сборника сразу захватываетъ читателя словно какимъ-то бурнымъ эстетическимъ порывомъ и уже владѣетъ имъ до конца, безраздѣльно. Напряженность эстетическаго воспріятія при чтеніи новыхъ произведеній Бунина такъ велика, что игра чувствъ и воображенія у читателя иногда перестаетъ быть игрой и превращается почти въ реальное переживаніе.

Для большинства людей въ отдѣльныхъ явленіяхъ жизни мало оттѣнковъ: любовь, ненависть, злодѣйство, самоотверженіе, смерть и т. д — все это въ общемъ представляется въ видѣ постоянной схемы, однообразной и однотонной. А истинный художникъ смотритъ на міръ подъ какимъ-то своимъ, ему только присущимъ угломъ зрѣнія, и видитъ то, чего другіе не видятъ. Отъ этого часто кажется, что въ поэзіи много неправдоподобнаго, чего въ дѣйствительной жизни не бываетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же неправдоподобное ощущается не только какъ вѣроятность, но и какъ самая подлинная достовѣрность. Помните, одна изъ тургеневскихъ героинь замѣчаетъ: «Вотъ, чѣмъ поэзія хороша: она говоритъ намъ то, чего нѣтъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду».

Въ сущности, настоящая поэзія всегда правда и всегда говоритъ о томъ, что есть, но имѣющіе глаза этого не видятъ и имѣющіе уши не слышатъ. И чѣмъ талантливѣе художникъ, тѣмъ больше онъ открываетъ такихъ тайнъ, тѣмъ отчетливѣе объясняетъ, тѣмъ убѣдительнѣе внушаетъ, тѣмъ острѣе чаруетъ.

Бунинъ и принадлежитъ къ такимъ художникамъ, а его произведенія къ тому роду литературы, которая чѣмъ дольше живетъ, тѣмъ больше даетъ. Одинъ извѣстный нѣмецкій философъ сказалъ, что есть двѣ литературы. Обѣ существовали во всѣ времена и притомъ независимо одна отъ другой: одна — кажущаяся, призрачная, другая — дѣйствительная; одна — быстро преходящая, исчезающая, легко забываемая, другая — «остающаяся» Почти всѣ произведенія въ новой книгѣ Бунина относятся именно къ числу такихъ «остающихся».

Даже совѣтскіе критики, которымъ, конечно, мудрено при условіяхъ пролетарской свободы хвалить Бунина безъ оговорокъ, считаютъ его «крупнымъ мастеромъ», а въ произведеніяхъ его видятъ «большую культуру». Но «потрясающій» успѣхъ Бунина они склонны объяснять тѣмъ, что онъ «затронулъ одну изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ изгнанническихъ сердецъ — тоску по родинѣ». Что же касается «совѣтскаго читателя», то онъ-де пройдетъ мимо Бунина, такъ какъ «старые усадебные мотивы эпигона барской культуры, до сихъ поръ влюбленнаго въ отошедшій усадебный бытъ», никого въ совѣтской Россіи не плѣняютъ. Такъ пишутъ совѣтскіе критики.

Эти утвержденія или плодъ недомыслія, или сознательная ложь по «дипломатическимъ» соображеніямъ. И если я упоминаю о нихъ, то только потому, что нѣтъ-нѣтъ, да и у насъ слышатся перепѣвы на эту тему.

Не въ бытѣ, само собой, причина «потрясающаго» успѣха Бунина, да и вообще, бытъ у него не играетъ первостепенной роли: Бунинъ не Чеховъ и не сродни Чехову. Бунинъ есть Бунинъ, какъ есть Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Чеховъ.

Еще въ раннемъ своемъ стихотвореніи «Ночь» Бунинъ писалъ:

«Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго».

и дальше:

«Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго. . . »

Въ одномъ стихѣ — **вѣчнаго**, въ другомъ — **тайнаго**. Замѣна не случайная: **тайное** — вѣрный спутникъ **вѣчнаго**.

Вѣчнымъ и **тайнымъ** и проникнутъ новый сборникъ Бунина. Пожалуй, ни въ одномъ изъ прежнихъ его сборниковъ не было такой выдержанности основныхъ идей, такого единства, какъ въ «Солнечномъ ударѣ».

Двѣ темы господствуютъ въ книгѣ — Любовь и Космосъ. Любви посвящены разсказы **Солнечный ударъ, Ида, Мордовскій сарафанъ, Дѣло корнета Елагина; «космическому» — Цикады** и **Воды многія.** Нѣсколько особнякомъ стоятъ **Страшный разсказъ,** *Notre Dame de la Garde,* **Поруганный Спасъ, Обуза** и **Въ саду.**

Любовь таинственна. Въ ней такъ много земного, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней и отдѣленіе отъ земного, и освобожденіе отъ него, сліяніе съ Вѣчнымъ. Въ любви, какъ въ жизни и смерти, много мистическаго, а гдѣ мистика, тамъ всегда есть кое-что неразгаданное и недосказанное. Загадочны и природа и формы любви. Любовь прельщаетъ «той радостью, которой въ жизни нѣтъ», и потому въ любви почти незбѣжна скорбь о «несбыточномъ». «Сладкій недугъ» порой подползаетъ, какъ змѣя, порой налетаетъ, какъ вихрь. Правда, порой и исчезаетъ, какъ дымъ, но только отнюдь не «по волѣ разсудка». Житейски многое въ любви объяснимо, кажется понятнымъ, но по существу всегда таинственно.

И передъ этой таинственностью въ недоумѣніи останавливались поэты всѣхъ временъ. Выраженія Экклезіаста: «всѣ слова слабы, не можетъ человѣкъ переговорить всего» и «никто не властенъ надъ вѣтромъ, чтобы удержать вѣтеръ» — особенно можно отнести къ любви. Перечитайте Катулла, Проперція, Тибулла, Овидія и др., и у всѣхъ найдете одно и то же недоумѣніе передъ загадочностью и противорѣчіями любви. «Ненавижу и люблю!» восклицаетъ Катуллъ: «Пожалуй, ты спросишь, какимъ образомъ это можетъ быть. Не знаю. Но чувствую это и терзаюсь». А Проперцій замѣчаетъ: «Амуру нравится видѣть текущія слезы»; «медицина лѣчитъ всѣ человѣческія болѣзни, только любовь не любитъ врача»; «любовь можно отвлечь, но никогда нельзя уничтожить»; «все безсильно противъ любви, и неизвѣстно, откуда приходитъ столько бѣдъ съ ней». Развѣ эти стихи римскихъ поэтовъ не были бы умѣстными эпиграфами почти ко всѣмъ произведеніямъ міровой литературы, въ которыхъ развивается тема любви?

Стара, какъ міръ, эта тема, и немногимъ удается сказать новое въ этой области, но Бунину, очевидно, удалось: поэтому-то и читаются съ такимъ захватывающимъ интересомъ разсказы сборника, связанные съ темой любви. И очарованіе ихъ не только въ совершенно исключительномъ мастерствѣ изложенія, не только въ тонкости отдѣлки, не въ сюжетѣ, а въ томъ, что чувствуется своеобразность въ художественной постановкѣ проблемы любви, въ подходѣ къ рѣшенію вѣковѣчной загадки. Сказано какое-то новое слово.

Содержаніе разсказа Солнечный ударъ несложно. Волжскій пароходъ; случайная встрѣча молодого поручика съ прелестной незнакомой женщиной; оба «сошли съ ума» и высадились на первой пристани. Затѣмъ номеръ гостиницы и «какъ только вошли и лакей затворилъ дверь, поручикъ такъ порывисто кинулся къ ней и она такъ изступленно задохнулись въ поцѣлуѣ, что много лѣтъ вспоминали потомъ эту минуту: ничего подобнаго не испыталъ за всю свою жизнь ни тотъ, ни другой». А на слѣдующій день разстались и никогда больше не видѣлись. Поручикъ даже не зналъ, кто она: она сказала только, что у нея мужъ и трехлѣтняя дочь. Съ нею, по ея признанію, «никогда ничего даже похожаго на то, что случилось, не было, да и не будетъ больше», поручикъ же, смотрѣвшій сначала на случившееся, какъ на обыкновенное «дорожное приключеніе», вдругъ послѣ ея отъѣзда почувствовалъ, что онъ «страшно несчастенъ», что на сердцѣ у него «неразрѣшимая мука». Вокругъ было «безмѣрное счастье, великая радость», а у него «сердце просто разрывалось на части» и даже «зрѣла упорная мысль о самоубійствѣ». Поручикъ чувствовалъ себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ.

Все это разсказано Бунинымъ съ такимъ искусствомъ, съ такимъ богатствомъ красокъ и свѣта, съ такими тонкими психологическими подробностями,

Литература, критика и искусство

СПАССКІЯ ВОРОТА

La Porte Du Sauveur par Etienne Burnet, Paris 1926.

Рѣдко приходится встрѣчать книгу на иностранномъ языкѣ, при томъ же написанную иностранцемъ, которая бы такъ вѣрно изображала современную русскую жизнь, и въ которой такъ правильно и такъ тонко схвачены были наиболѣе характерныя черты того психологическаго разлада, который побѣдившій коммунизмъ внесъ во всѣ слои русскаго общества. Дѣйствіе происходитъ два года тому назадъ въ Москвѣ. Елизавета Николаевна Любимова, живущая въ Парижѣ эмигрантка, по просьбѣ своего больного отца рѣшается вернуться къ нему въ Россію. Она ѣдетъ назадъ съ намѣреніемъ окончательно остаться въ Россіи, полная желанія безпристрастно разобраться въ томъ, что тамъ произошло со времени революціи. Но съ первыхъ же шаговъ она наталкивается на непреодолимыя трудности...

Автору удалось хорошо изобразить типъ человѣка стараго времени, какимъ является, напримѣръ, дядя героини — Успенскій, искренній патріотъ и глубоко религіозный человѣкъ, который всѣмъ существомъ своимъ ненавидитъ все, что такъ или иначе связано съ революціею; для такихъ людей нѣтъ мѣста въ новой Россіи, они выброшены жизнью за бортъ и въ безнадежной печали доживаютъ свои дни на обломкахъ того, что имъ дорого. И рядомъ съ этимъ отецъ Лизы, талантливый инженеръ, который не будучи коммунистомъ и не примкнувъ идейно къ правящей партіи, счелъ возможнымъ работать вмѣстѣ съ Совѣтами, искренно стремясь вмѣстѣ съ ними наладить правильную работу государственнаго аппарата. Онъ видитъ спасеніе страны въ работѣ и дисциплинѣ, независимо отъ политическихъ теорій, и по всему ясно, что этого именно взгляда придерживается и авторъ. Для Лизы непонятна позиція отца, непонятно то спокойствіе, съ какимъ онъ примиряется со всѣмъ совершившимся; однажды въ горькую минуту она бросаетъ ему упрекъ, что и онъ продался большевикамъ. Упрекъ глубоко несправедливый, въ чемъ она сама тутъ же сознается, со слезами прося у отца прощенія за вырвавшіяся сгоряча слова. Но ей такъ и не удается постичь тайну его жизненной философіи, ибо Любимовъ скоро затѣмъ умираетъ отъ сердечной болѣзни. Послѣ смерти отца черезъ своего полу-брата Николая, женатаго на коммунисткѣ, Лиза проникаетъ въ кружокъ настоящихъ коммунистовъ, съ сектантской узостью вѣрящихъ въ правоту своихъ теорій, выше всего на свѣтѣ ставящихъ Ленина и его ученіе. Такова прежде всего Ирина, жена Николая, безжалостная въ своемъ фанатизмѣ, готовая жертвовать всѣмъ, даже любовью къ мужу, если это нужно для торжества коммунизма.

Лиза думала, что оставаясь въ Россіи ей удастся приспособиться къ новымъ условіямъ и въ работѣ найти разрѣшеніе мучащимъ ее вопросамъ. Мечта оказывается неосуществимой. Слишкомъ велика духовная пропасть, отдѣляющая ее отъ людей новой формаціи, которые «своею нетерпимостью, педантизмомъ и моральной тиранією» создали атмосферу, невыносимую для всѣхъ мыслящихъ иначе. Да и имъ, этимъ новымъ людямъ, Лиза не нужна. «Надо быть съ нами или противъ насъ», говоритъ ей Ирина, «а вы не можете быть съ нами... Такимъ людямъ остается только исчезнуть». Повѣсть заканчивается гибелью Лизы въ сибирскихъ снѣгахъ, при попыткѣ бѣгства изъ того поселенія, куда она оказывается сосланной распоряженіемъ властей. И въ этой гибели безсмысленной, но неизбѣжной чудится символъ гибели всего того класса людей, которые органически связаны со старымъ и для котораго въ новой жизни нѣтъ примѣненія.

Авторъ постарался съ полнымъ безпристрастіемъ изобразить психологію какъ крайнихъ элементовъ, такъ и тѣхъ многихъ переходныхъ типовъ, которыхъ жизнь поневолѣ заставила искать компромисса. Многое, какъ сказано, передано поразительно вѣрно. И все-же въ цѣломъ картина страдаетъ односторонностью. Недостаточно ярко показаны всѣ отрицательныя стороны существующаго въ Россіи строя, недостаточно выявлена невозможность для свободнаго человѣка ужиться въ атмосферѣ коммунистическаго государства. О произвольныхъ расправахъ, о разстрѣлахъ безъ суда говорится какъ о дѣлѣ прошломъ, а между тѣмъ извѣстно, что то-же, хотя и рѣже, повторяется и теперь. Говоря о дѣтяхъ, о системѣ воспитанія авторъ забываетъ упомянуть о массѣ безпризорныхъ, о все возрастающемъ хулиганствѣ, о колоссальномъ ростѣ дѣтской преступности и т. п. У читателя создается впечатлѣніе будто несмотря на всѣ недочеты и ошибки коммунистамъ удалось на обломкахъ стараго заложить основы какого то новаго зданія, начать строить новую, быть можетъ лучшую жизнь. Но вѣдь какъ извѣстно, это то именно имъ и не удалось.

С. Волконская.

ROSSICA

НѢСКОЛЬКО СТАТИСТИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ

Slavica ceska a slovenska za leta 1914-1925. Sestavil Karel **Nosovsky.** Praha 1926. Vydava Slovanska knihovna Ministerstva zahranicnich veci. Str. XII-122.

Эта книга — сухой библіографическій справочникъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ на чешскомъ и словацкомъ языкахъ, касающихся славянства и появившихся въ періодъ отъ 1914 - 1925 гг. Однако, и онъ даетъ наглядную картину вниманія и интереса чеховъ и словаковъ къ тому или иному славянскому народу.

Русскій отдѣлъ стоитъ на первомъ мѣстѣ и занимаетъ большую часть книги: изъ 1680 цитированныхъ названій 1114 приходится на долю русскаго отдѣла, не считая 44 книгъ, выдѣленныхъ г. Носовскимъ въ «украинскій отдѣлъ». Изъ этого количества 620 книгъ относятся къ отдѣлу литературы, 247 — къ исторіи и географіи, 160 — къ отдѣлу соціальныхъ наукъ, 35 — къ языковѣдѣнію, 21 — къ философіи, 11 — къ искусству, 9 — къ религіи, 5 къ отдѣлу практическихъ наукъ, 1 — къ естествознанію и, наконецъ 5 книгъ отнесено къ общему отдѣлу. Въ отдѣлѣ литературы преобладаютъ переводы, но нерѣдки и оригинальныя произведенія съ темами изъ русской жизни. Изъ русскихъ авторовъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались за это время, если судить по числу изданныхъ переводовъ: Л. Н. Толстой (40 книгъ; сюда можно еще прибавить драматическую передѣлку К. Форжта «Анны Карениной» и 5 мелкихъ произведеній, вошедшихъ не какъ отдѣльныя книги), Ф. М. Достоевскій (37 книгъ), А. П. Чеховъ (32 книги), А. Т. Аверченко (27 книгъ), Е. Н. Чириковъ (27 книгъ), М. Горькій (18 книгъ), Л. А. Чарская (18 книгъ), И. С. Тургеневъ (15 книгъ), Л. Андреевъ (12 книгъ), Н. В. Гоголь (12 книгъ), А. С. Пушкинъ (11 книгъ), М. П. Арцыбашевъ (10 книгъ). Потомъ идутъ: Д. С. Мережковскій, Д. Н. Маминъ - Сибирякъ, А. Ф. Писемскій, А. К. Толстой, Н. Г. Гаринъ-Михайловскій, В. Г. Короленко, А. И. Купринъ, Н. А. Лейкинъ, И. Н. Потапенко и т. д. Странно, что отсутствуетъ И. А. Бунинъ.

Въ отдѣлѣ исторіи и географіи много книгъ, касающихся пребыванія чеховъ въ Россіи. Въ отдѣлѣ соціальныхъ наукъ большое количество изданій о совѣтской Россіи, ея признаніи, большевикахъ, о русской революціи вообще. Тутъ по количеству переводовъ прежде всего идутъ большевики: Ленинъ (11 книгъ), Зиновьевъ (8 книгъ), Троцкій (6 книгъ), Между Зиновьевымъ и Троцкимъ вклинился П. А. Кропоткинъ (8 книгъ).

Въ отдѣлѣ языковѣдѣнія находятся, главнымъ образомъ, учебники русскаго языка и словари. Изъ 21 книги философскаго отдѣла 12 принадлежитъ Л. Н. Толстому. Въ отдѣлѣ религіи преобладаетъ Л. Н. Толстой, а затѣмъ В. С. Соловьевъ.

Переводами съ русскаго языка занималось болѣе 50 авторовъ. Наиболѣе извѣстны: В. Червинка, Ст. Минаржикъ, Б. Прусикъ, А. Неси, Эм. Чехъ и др.

Изъ другихъ славянскихъ народовъ особымъ вниманіемъ пользовались поляки, которымъ было посвящено 203 книги, потомъ идутъ югославяне, т. е. сербы, хорваты и словенцы (191 книга), болгары (21 книга), и лужицкіе сербы (20 книгъ).

Особо выдѣлены книги о славянахъ вообще (56 книгъ) и по древне - славянскому періоду (11 книгъ).

Въ работѣ Носовскаго, конечно, есть рядъ пропусковъ и ошибокъ въ распредѣленіи матеріала, но это неизбѣжно въ такого рода изданіяхъ. Выдѣленіе «украинскаго» отдѣла не совсѣмъ удачно, такъ какъ непонятно, что собственно говоря, составитель подразумѣваетъ подъ этимъ отдѣломъ, опредѣленное ли содержаніе или предметъ имѣется тутъ въ виду. Тогда не ясно, почему не выдѣлены другія политическія темы. Или имѣется въ виду опредѣленная тенденція такъ называемыхъ самостійныхъ украинцевъ?

Разбираемая книга, съ одной стороны даетъ интересныя указанія на потребности и интересы чехословацкаго читателя, а, съ другой является полезнымъ справочникомъ для спеціалиста. Можно лишь привѣтствовать пожеланіе издателей, чтобы подобнаго рода работы выходили періодически и чтобы онѣ были предприняты и въ другихъ славянскихъ государствахъ. Въ будущемъ издатели надѣются выпустить подобный же указатель къ чешскимъ и словацкимъ періодическимъ изданіямъ.

Вл. Кульманъ.

МЕРЕЖКОВСКІЙ О НАПОЛЕОНѢ

Вторая лекція Мережковскаго привлекла значительно меньше публики. Между тѣмъ эта лекція была несравненно интереснѣе первой, гораздо «предметнѣе», съ меньшими эксцессами стилизаціи и — гораздо лучше сказана. Какія то новыя ноты зазвучали у лектора, какая то появилась внутренняя убѣжденность, почти что пафосъ. Были моменты, когда скандирующая рѣчь Мережковскаго звучала подъ отдаленный аккомпаниментъ доносящейся изъ большого зала Гаво музыки проникающей въ душу поэзіей. Что - то именно поэтическое было въ этой лекціи, въ которой Мережковскій чувствовалъ себя (къ счастью для слушателей!) не столько связаннымъ своей «теоріей» мыслителемъ, сколько писателемъ - художникомъ.

На Д. С. Мережковскаго явно произвелъ впечатлѣніе отчетъ объ его лекціи въ «Возрожденіи». Онъ началъ свое изложеніе съ указанія на то, что первая его лекція вызвала вопросы: въ частности, поставленъ вопросъ, не погрѣшилъ ли онъ, Мережковскій, противъ національнаго чувства? «Безумными укорами» воспринимаетъ онъ эти вопросы «націоналистовъ». Оказывается, не зажила еще рана, нанесенная Наполеономъ національному чувству! Однако, эти вопросы лекторъ не хочетъ оставить безъ отклика и потому соотвѣтственно измѣняетъ тему настоящей лекціи.

Такъ какъ Д. С. Мережковскій не хуже меня понимаетъ всю наивность своего «отвода» и прекрасно знаетъ, что «націоналисты» оскорблены не ушедшими въ исторію походами Наполеона, а современной чудовищной мыслью, будто спасеніе Россіи нужно ретроспективно искать на путяхъ покоренія Россіи Наполеономъ, — то я на этомъ вступленіи останавливаться не буду, а попытаюсь изъ «переливчатаго» содержанія лекціи выдѣлить ея существо. Къ сожалѣнію «ароматъ» лекціи не передашь, какъ не передашь и того очень интересно подобраннаго матеріала цитатъ, которымъ изобиловала лекція.

Началъ лекторъ съ приведеннаго мною афоризма Л. Додэ. «Простодушный» Додэ называетъ войны Наполеона:

une croisade pour rien.

. Но тогда и христіанство ничто! Тутъ трагедія столкновенія національнаго и всемірнаго, вѣчная мука жажды всемірности (Достоевскій). Всемірной была Римская Имперія, и не случайно на ея почвѣ родилось всемірное христіанство. Начало всемірности было заложено и во французской революціи: его выраженіе — Наполеонъ.

Его «чудовищная» (по слову Метерниха) цѣль — объединить міръ подъ своею властью. Почему «чудовищная»? Развѣ это лишь честолюбіе? Есть страсти выше честолюбія — страсти мысли, а высшая изъ нихъ — страсть всемірности.

«Міръ больше нуждался во мнѣ, чѣмъ я въ немъ», могъ бы сказать Наполеонъ, видоизмѣняя свои слова о Франціи. Если это властолюбіе, то особаго порядка, которое словами не опредѣлить. Цѣль Наполеона — царство разума и торжество человѣческихъ силъ. Онъ хочетъ соединить націи въ одну association europeenne. Общеевропейскій кодексъ, общеевропейскій судъ, одна мѣра, одинъ законъ, всеобщее равенство. Конецъ войнамъ. Миръ всего міра. Вездѣ люди — дома. Все это было, говоритъ Наполеонъ, близко, какъ никогда. И хотя это и не удалось, но толчокъ данъ. Это будетъ, хотя и цѣной долгихъ судорогъ.

1814 — 1914! прерываетъ свой разсказъ Мережковскій. Слова Наполеона звучатъ пророчески. Страшныя судороги прошли. Можетъ быть, грозятъ еще болѣе страшныя, и наша единственная защита — «мертвый выкидышъ», Лига Націй....

Наполеонъ мечталъ о соединеніи Востока и Запада. Онъ хотѣлъ короноваться Императоромъ Востока и Запада. Онъ, по его словамъ, дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно. Если бы медленнѣе — удалось бы. Но некогда было ждать. Нужна тайна. Нужно сверхъестественное.

— Это значитъ — нужна религія, заключаетъ Мережковскій. Не можетъ быть внѣшняго овладѣнія міромъ безъ внутренняго центра — Бога, и хотя Наполеонъ съ Вольтеровской усмѣшкой относился къ религіи, онъ понималъ, что это не легкое, страшное дѣло. Есть внутренняя логика, ведущая Кесаря къ обожествленію, и ее понималъ Наполеонъ. Но Александръ и Цезарь жили до Рождества Христова. А можно ли стать Богомъ послѣ? Этого Наполеонъ хорошенько не знаетъ. Иногда ему кажется, что можно, иногда онъ понимаетъ, что нельзя. («Я пришелъ въ міръ слишкомъ поздно»).

Зналъ ли онъ, вопрошаетъ Мережковскій, кто искушаетъ его? Если зналъ, то только въ снахъ — и здѣсь цитата..... изъ Евангелія объ искушеніи Христа сатаною.

Наполеонъ не поклонился діаволу (?!) — и царство міра отошло отъ него (?!). Царскій вѣнецъ онъ смѣнилъ на терновый (?!).

Наполеонъ — человѣкъ рока

(l'homme du destin),

, продолжаетъ Мережковскій послѣ перерыва. Его хранитъ судьба, и онъ вѣритъ въ судьбу, не вѣдая, что такое страхъ. Это «чудо полета» длится до русскаго похода.

«Рокъ возносилъ его покорнаго, возставшаго — покорилъ....»

— У меня нѣтъ воли, — говорилъ Наполеонъ. Чѣмъ выше — тѣмъ меньше надо имѣть воли.

Развѣ въ этомъ нѣтъ смиренія, жертвенности, вопрошаетъ Мережковскій. Человѣкъ, напоенный рокомъ, можно сказать о Наполеонѣ. Не отъ обреченности ли року--его «нечеловѣческая задумчивость».

Toujours seul parmi les hommes!

Мысль о самоубійствѣ не покидала его, но осуществленіе ея было ему недоступно (знаетъ ли лекторъ, что Наполеонъ разъ на самомъ дѣлѣ покушался на свою жизнь? **К. З.**). «Несчастный, я его жалѣлъ», — говорилъ юноша Наполеонъ о себѣ, предвидя свое будущее величіе.

«Геній метеоръ, который долженъ сгорѣть чтобы освѣщать путь людей» — восклицаетъ Мережковскій.

«Іисусъ Христосъ не былъ бы Богомъ, если бы не умеръ на крестѣ», — говорилъ Наполеонъ. Онъ видѣлъ солнце, но это солнце слѣпыхъ.

Кроткое иго Сына или жестокое иго Рока? Яковъ боролся съ Богомъ, а Наполеонъ съ Сыномъ Божьимъ.

Встаетъ грозный вопросъ: удалось ли христіанство, вѣрнѣе удалось ли наше христіанское человѣчество?

Кто побѣдитъ: Сынъ человѣческій, или Наполеонъ - человѣкъ?

Этими пифійскими восклицаніями - вопросами закончилъ ораторъ свою лекцію, повергнувъ вновь въ недоумѣніе увлеченную было предшествующимъ изложеніемъ публику....

— Ишь, туману напустилъ, — слышу я рядомъ.

Я по необходимости схематизировалъ изложеніе Мережковскаго. Вся (весьма условная) прелесть его въ полутонахъ. Это настоящій импрессіонизмъ.

«Настроенія зыбкія, мимолетныя, большею частью смутныя и неясныя, еще не оформировавшіяся въ опредѣленное чувство, тѣмъ болѣе въ ясную мысль..... Сны, видѣнія, мечты о несбыточномъ, воспоминанія о прошломъ, далекомъ, невозвратномъ и тѣмъ болѣе прекрасномъ, чѣмъ дальше оно отъ насъ и отъ живой дѣйствительности, тайныя предчувствія чего то, странныя волненія о чемъ то, необъяснимомъ точными словами.... Печать какой то душевной усталости, пассивности, изнѣженности. Эта хрупкая, прозрачная звуковая ткань часто кажется черезчуръ тонкой, безсильной, безкровной.... Чувствуешь, какъ бы безкостность, « безпозвоночность» этого искусства. Оно слишкомъ тепличное, слишкомъ дряблое и рыхлое. Оно разслабляетъ слушателя,...»

Такъ писалъ замѣчательный русскій музыкальный критикъ В. Г. Каратыгинъ о Дебюсси. Это — слово въ слово — можно примѣнить къ Мережковскому, какимъ онъ былъ въ своей послѣдней лекціи о Наполеонѣ...

Но за всѣмъ тѣмъ, если отбросить обидно-лишнія стилизаторскія преувеличенія и двусмысленности Мережковскаго, нужно признать, что онъ интересно, и глубоко схватилъ тему о Наполеонѣ, не Наполеонѣ — Императорѣ французовъ, а Наполеонѣ — Императорѣ tout court, **Императорѣ міра.**

Этотъ Наполеонъ плѣнилъ воображеніе не одного лишь Мережковскаго. Приведу здѣсь два замѣчательныхъ примѣра:

Гете въ 1813 г. по поводу войны съ Наполеономъ говорилъ: «трясите свои цѣпи, сколько хотите, этотъ человѣкъ для васъ слишкомъ великъ, его вы никогда не сломите, а только глубже вдавите цѣпи въ мясо».

(«Оставьте его, онъ состарился» — говорилъ по этому поводу неутомимый организаторъ борьбы съ Наполеономъ, знаменитый прусскій министръ баронъ Штейнъ).

Ближе къ нѣкоторымъ уклонамъ мысли Мережковскаго выражался Ницше.

«Когда на стыкѣ двухъ упадочныхъ столѣтій появилась сила генія и воли, достаточная, чтобы создать изъ Европы единство политическое и хозяйственное, способное править міромъ, нѣмцы со своими освободительными войнами, погубили самый смыслъ, чудо смысла наполеоновскаго существованія; они тѣмъ взяли на свою совѣсть все что пришло, все что теперь есть — эту противокультурную болѣзнь и безсмыслицу національзма, эту nevrose nationale, которой болѣетъ Европа, это увѣковѣченіе маленькихъ европейскихъ государствъ, маленькой политики; они погубили смыслъ, разумъ Европы, загнали ее въ тупикъ».

Читатель, вѣроятно, не откажется признать, что точка зрѣнія, выраженная въ первой лекціи Мережковскаго весьма близка къ этимъ утвержденіямъ Ницше. То, что говорилъ Мережковскій во второй лекціи, звучало существенно иначе. Едва ли кто будетъ возражать противъ того, что между утвержденіемъ: Наполеонъ спасалъ насъ въ Москвѣ отъ краснаго (евразійскаго) дракона, и утвержденіемъ: возставшій Наполеонъ былъ сломленъ въ Москвѣ рокомъ,. **лежитъ глубочайшая пропасть.** Согласно первой лекціи Наполеонъ **спасалъ насъ вмѣстѣ со святой** Европой. Согласно второй — онъ палъ въ борьбѣ съ Сыномъ Человѣческимъ, олицетворяя (противобожескую!) всемірность французской революціи. Неужели Мережковскій не понимаетъ, что тутъ онъ задѣваетъ вопросъ о **генеалогіи русской революціи** и вводитъ въ ея родословное древо — Наполеона?!.

Я не могу дальше говорить на безконечно увлекательную тему о Наполеонѣ — о **трагедіи Наполеона.** Въ заключеніе скажу лишь одно. Для пониманія **личной трагедіи** Наполеона, Мережковскій далъ очень много. Но если задаться цѣлью выразить въ короткомъ афоризмѣ впечатлѣніе отъ «дѣла» Наполеона, осуществителя идеала всемірности, какъ его въ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, блестящемъ выступленіи изобразилъ Мережковскій, то я не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ тотъ же афоризмъ «простодушнаго» Леона Додэ: une croisade pour rien.

К. Зайцевъ.

ИЗЪ СТИХОВЪ РОБЕРАМОНТЕСКЬЮ

МОЛИТВА РАБА

Я все убралъ. Прошелъ, и заперъ залы:
Хозяинъ спитъ, я охраняю домъ.
Уснулъ, огромный, песъ его усталый.
А я дремлю — полупрозрачнымъ сномъ.

Спустилъ бассейны; вымылъ осторожно
Посуду; платье — вычистилъ, принесъ.
И, въ полумракѣ лѣстницы, тревожно,
На черный хлѣбъ роняю капли слезъ.

Покой — въ гробу. Я такъ душой измаянъ!
И въ первый разъ, когда изъ темноты,
Ты позовешь, и я скажу — «Хозяинъ»,
Я буду счастливъ: Это — будешь Ты!

МОЛИТВА ХУДОЖНИКА

Рисую зелень, синія озера:
О, если бъ вѣтромъ ихъ разволновать!
Въ движеньи — жизнь; и, чтобы тѣшить
изоры,
Моимъ бы листьямъ надо — облетать.

Я украшаю потолки цвѣтами:
Но лепесткамъ ихъ — вѣкъ не пожелтѣть!
Рисую гнѣзда, съ юными птенцами:
А имъ одно бы — взять и улетѣть.

По дереву — олени молодые:
Но не бѣгутъ! И жаль — моихъ лисицъ...
Пишу портреты; ихъ глаза — живые!
Но, какъ имъ дать — боль дрогнувшихъ
рѣсницъ?

МОЛИТВА КОМЕДІАНТА

Густой слой пудры льнетъ къ моимъ щекамъ.
Я ль — этотъ странный, въ зеркалѣ? Не
знаю.
Сплю днемъ; и блѣдный вставъ, по вечерамъ,
Всегда кого - то новаго играю.
Переодѣтый женщиной, пляшу;
Ни старъ, ни молодъ: загнанная кляча!
Гримасничаю, черезъ силу плача;
И подавивъ отчаянье, — смѣшу.
Какая смѣсь кривлянія, и боли!
Что жъ отъ меня осталось, мой Судья?
Такъ много душъ я пережилъ — какъ роли...
И спуталъ я, которая — моя.

ПАДШІЕ АНГЕЛЫ

Золотой узоръ — цвѣты раскрыли.
Сонныхъ звѣздъ — раскрылись лепестки.
Въ цвѣтникахъ — созвѣздія изъ лилій.
Въ небесахъ — огнистые вѣнки.
Ангелы — къ землѣ склонили очи.
Люди — взоры подняли въ лазурь.
И слились, въ мерцаньи братской ночи,
Бѣлизна — и грѣшный отблескъ бурь.
Лепестки — летѣть сорвались къ Богу.
Звѣздамъ — горечь заронилась въ груды
И забыли ангелы дорогу!
И открылся людямъ вѣрный путь.

Ив. Тхоржевскій

*) Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Франціи, конца прошлаго и начала нашего вѣка; умеръ въ 1921 году.

Художественныя извѣстія

ПОСТРАДАВШАЯ ЦЕРКОВЬ

Близъ Фекана (во Франціи) молнія ударила въ древній костелъ Св. Леонарда, построенный въ XII вѣкѣ, и разрушила колокольню. Вся верхняя часть башни грозитъ обваломъ. Внутри храма пострадали прекрасный витражъ и романская каменная купель.

ВЫСТАВКА ФЛАМАНДСКАГО И БЕЛЬГІЙСКАГО ИСКУССТВА ВЪ ЛОНДОНѢ

Эта выставка, въ помѣщеніи Королевской Академіи, — событіе первостепенной важности въ европейской художественной жизни. Участниками на ней явились музеи Брюсселя, Антверпена, Гента, Льежа, Лувена, Лувра и т. д. Великолѣпныя фламандскія шпалеры присланы изъ Франціи, Бельгіи, Даніи и Венгріи. Многія картины, доставленныя частными лицами въ томъ числѣ англійской аристократіей, были до того совершенно недоступны для публики. Впервые представилась возможность соединить въ одно цѣлое разрозненныя вѣками части триптиховъ; напримѣръ — знаменитое «Распятіе» Герарда Давида, изъ собранія Лайарда, выставлено вмѣстѣ съ боковыми своими створками (Антверпенскаго музея).

Экспонаты расположены въ хронологическомъ порядкѣ и даютъ наглядное понятіе объ эволюціи фламандскаго и бельгійскаго искусства съ XIУ по XIX вѣкъ.

На выставкѣ — извѣстный портретъ жены ванъ - Эйка, написанный великимъ фламандцемъ, картины Роберта Кампэна, Рогира ванъ-деръ-Вейдена, Гуго ванъ-деръ-Гуса,, Мемлинка (цѣлый рядъ). Изъ художниковъ ХУІ вѣка — Герардъ Давидъ, Мостартъ, Квентинъ Массейсъ, Мабузе, ванъ Орлей, Брейгель-Старшій, Антоню Моро..... Блестяще представлено семнадцатое столѣтіе: около тридцати превосходныхъ Рубенсовъ (между которыми — портретъ Изабеллы Брандъ, первой жены художника, данный на выставку королемъ Великобританіи), около двадцати ванъ Дейковъ, изъ англійскихъ собраній, превосходные Іордансы, и множество другихъ.

ВЪ МОСКВѢ

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ

Въ Москвѣ государственныя реставраціонныя мастерскія открываютъ выставку древне - русскихъ и западно - европейскихъ произведеній искусства. Будутъ выставлены: «Мадонна съ покрываломъ», найденная въ 1925 году въ Нижнемъ Тагилѣ (на Уралѣ), приписываемая кисти самого Рафаэля (принадлежность ея къ школѣ Рафаеля установлена безусловно). Картина Яна Мостарта (нидерландская школа ХУІ вѣка) «Бичеваніе Спасителя» переданная изъ церкви «Всѣхъ Скорбящихъ» на Ордынкѣ въ Музей изящныхъ искусствъ. Картина «Битая дичь» (XVII в.), случайно найденная въ Екатеринбургѣ, «Похищеніе Европы» (школа Пуссэна) и рядъ другихъ. Изъ памятниковъ древне - русской живописи будутъ выставлены: огромная доска XI-го вѣка, изображающая Богоматерь въ человѣческій ростъ (изображеніе иконографическаго типа, извѣстнаго подъ названіемъ «Оранто»), изображеніе Дмитрія Солунскаго, привезенное изъ гор. Дмитрова (XII), Изображеніе Михаила Архангела (XII в.) изъ Московскаго Успенскаго собора и т. д. Будутъ выставлены и памятники древне - русскаго шитья, среди которыхъ есть рѣдчайшія произведенія XIУ - ХУІ вв.

Л.

Отъ Справочно-Библіографическаго Отдѣла книжнаго магазина Я. Поволоцкій и Комп. въ Парижѣ поступили въ редакцію «Возрожденія» слѣдующія книги:

С. Клычковъ. Сѣрый баринъ. Изд. Пролетарій. Стр. 262.

Красная Новь. Декабрь 1926 г.

В. Т. Каратыгинъ. Жизнь и дѣятельность. Статьи и матеріалы. 1. 1927 г. 262 стр.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

«Русская Мысль» П. Б. Струве, за январь-февраль, заканчивается печатаніемъ и поступитъ въ продажу на будущей недѣлѣ. Складъ изданія у А. П. Струве: «AU VIEUX LIVRE»
17, Rue de l'Odeon - Paris (6 arr.)

брошенными какъ бы мимоходомъ, случайно, разсказъ ведется такъ напряженно быстро, что ошеломленный читатель словно самъ испытываетъ дѣйствіе этого непонятнаго «солнечнаго удара». А потомъ возникаетъ рядъ вопросовъ: какой внутренній смыслъ этой картины безудержной страсти? Не въ физіологическомъ же стремленіи двухъ половъ? И почему эта мысль о смерти? Почему эта неразрѣшимая мука, для которой при данной обстановкѣ какъ будто и мѣста не должно было быть?

Конечно, отвѣта на эти вопросы Бунинъ не даетъ. Но думается, что они и у автора, вѣроятно, возникли, когда, освободившись отъ работы воображенія, онъ взглянулъ на свое произведеніе со стороны. Нѣтъ ли за «солнечнымъ ударомъ» мысли, что въ любви высшее наслажденіе и безысходное страданіе связаны потому, что только въ страсти любви наиболѣе остро испытывается радость бытія, самозабвенное сліяніе съ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущается страшная близость смерти, все разрушающей и тоже все сливающей съ міромъ и вѣчнымъ? Любовь и смерть въ одной межѣ. Космосъ даетъ себя знать.

Въ чудесномъ разсказѣ **Ида** та же художественная идея. Сюжетъ и въ немъ играетъ второстепенную роль. Въ основѣ разсказа неосознанная любовь нѣкоего композитора къ подругѣ его жены, дѣвушкѣ, о которой онъ не задумывается никогда серьезно, отчества которой даже не знаетъ. Мало того: когда Ида вдругъ перестаетъ бывать въ ихъ домѣ, онъ и не спрашиваетъ у жены, почему Ида исчезла. Лишь иногда, мимолетно и поверхностно, пронесется легкое воспоминаніе о ней, и въ такія минуты какая-то непонятная тоска охватываетъ его. Черезъ два года на далекой, занесенной снѣжными сугробами станціи они случайно встрѣчаются. Ида замужемъ. Она признается, что любила композитора въ теченіе пяти лѣтъ и продолжаетъ любить. И тутъ только онъ понялъ, что тоже любилъ Иду. Онъ ей ничего не сказалъ, потому что «есть мгновенія, когда ни единаго звука нельзя вымолвить». Но Ида поняла его окаменѣніе, «обняла его за шею и нѣжно и крѣпко поцѣловала однимъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, что помнятся потомъ не только до гробовой доски, но и въ могилѣ. . . И тѣмъ вся эта исторія кончилась».

Отъ этого разсказа тоже остается впечатлѣніе, что любовь — «самая страшная въ мірѣ связь», и ужасъ ея въ непостижимой неожиданности, таинственности и стихійности. Послѣднія страницы разсказа какъ бы символизируютъ эту стихійность: настолько въ нихъ безудержнаго движенія, неистовой бурности и страстности, которыя нарастаютъ съ каждой строкой и разрѣшаются въ заключительномъ аккордѣ: «Неслись мы на тройкѣ домой уже совсѣмъ утромъ, страшно морознымъ и розовымъ. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось изъ-за крышъ ледяное красное солнце и съ колокольни сорвался первый, самый какъ будто тяжкій и великолѣпный ударъ, потрясшій всю морозную Москву, и композиторъ вдругъ сорвалъ съ себя шапку и что есть силы и со слезами закричалъ на всю площадь:

— Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!»

Въ разсказѣ **Дѣло корнета Елагина** та же тема о загадочной психологіи любви. Кстати: по поводу этого произведенія вспомнили давнишній процессъ объ убійствѣ русскимъ офицеромъ польской артистки, и одинъ извѣстный польскій критикъ даже написалъ спеціальную, крайне странную въ разныхъ отношеніяхъ для литературнаго критика статью, въ которой возмущенно опровергалъ Бунина, утверждая, что онъ изобразилъ и офицера, и артистку не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Но скажите, пожалуйста, какое дѣло художнику до того **реальнаго** событія и до тѣхъ **реальныхъ** людей, которые натолкнули его на творческую идею.

Одинъ и тотъ же судебный процессъ вызвалъ въ свое время два беллетристическихъ произведенія — **Совѣсть** Карышева и **Воскресенье** Л. Толстого. Карышевъ, несомнѣнно, былъ очень близокъ къ дѣйствительности, Катюша же и Нехлюдовъ **Воскресенья** совсѣмъ не были похожи на дѣйствительныхъ лицъ процесса. Однако, произведеніе Карышева бездарное, Толстого — геніальное. Неужели кому-нибудь можетъ придти въ голову **спорить** съ Толстымъ объ **искаженіи** имъ героевъ судебнаго дѣла. Вѣдь, чѣмъ больше у писателя того драгоцѣннаго дара, который называется **воображеніемъ,** тѣмъ дальше онъ уйдетъ отъ лица или событія, которыя послужили матеріаломъ для его художественной работы. Способность же воображенія у Бунина, **какъ извѣстно,** необычайно велика.

Въ **Дѣлѣ корнета Елагина** все время переплетаются двѣ идеи — любовь и смерть, ненасытная жажда любви и «эмблемы» смерти. И читатель убѣждается, какъ «изумительно убожество человѣческихъ сужденій» въ тѣхъ вопросахъ, которые пронизаны тайной любви. Такъ, человѣческій судъ видитъ въ предсмертной запискѣ убитой: «умираю **не по собственной волѣ»** полное противорѣчіе со словами убійцы: «я виновенъ въ лишеніи жизни Сосновской, **но по ея волѣ»,** а между тѣмъ, и убитая, и убійца, какъ это ни странно, говорили правду.

И въ этомъ разсказѣ на каждомъ шагу поднимаются вопросы: въ силу чего, почему люди въ такъ называемой первой любви «переживаютъ, сами того не вѣдая, жуткій расцвѣтъ, мучительное раскрытіе, первую мессу пола»? Почему рокъ, судьба, чья-то непостижимая воля создаютъ иногда такое трагическое положеніе, совершенно не зависящее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что даже удовлетворенная любовь или сопровождается навязчивой идеей смерти, или, по крайней мѣрѣ, напоминаетъ о смерти? Это роковое подчеркнуто въ разсказѣ Бунина повторяющимся нѣсколько разъ въ разныхъ варіантахъ припѣвомъ: quand même pour toujours и послѣдней главой, краткой и выразительной, которую привожу цѣликомъ:

«Девятью годами каторги долженъ искупить Елагинъ свою вину передъ людскимъ закономъ.

«А передъ Богомъ и передъ ней? Божій судъ не вѣдомъ. А что сказала бы она, если было бы въ нашей власти поднять ее изъ гроба? И кто посмѣлъ бы тогда стать между ними?»

Лирической поэмѣ въ прозѣ **Цикады** я въ свое время посвятилъ отдѣльную статью въ «Возрожденіи» (№198) и отмѣтилъ ея чарующую музыку, ея поэтическую символику жизни и смерти, безконечности, красоты и таинственности мірозданія, ея лирическую напряженность, философскую глубину и бездонную трагичность.

Съ **Цикадами** идейно связаны **Воды многія,** и возгласъ, которымъ заканчиваются **Цикады:** «Боже, оставь меня» звучитъ въ одномъ тонѣ съ возгласомъ **Водъ многихъ:** «Продли, Боже, сроки мои!»

Воды многія — удивительное произведеніе: сюжета нѣтъ, форма самая непритязательная — форма путевого дневника, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждая строка насыщена поэзіей, тонкими переживаніями и глубокими мыслями. Въ сущности, въ этомъ произведеніи ничего нѣтъ, кромѣ чуткой души писателя на фонѣ свѣтоноснаго океана, ничего, кромѣ души и міра, поэтому пересказать его нѣтъ никакой возможности, его надо перечувствовать непосредственно.

Воды многія полны блеска и радости. Въ цѣломъ это торжественный и благодарный гимнъ Богу: «Путь Твой въ морѣ и стезя твоя въ водахъ великихъ и слѣды Твои невѣдомы. . . И я былъ въ страшной и сладкой близости къ Тебѣ, и крѣпка вѣра въ родимое, отчее лоно Твое. . Какъ мнѣ благодарить Тебя? Какъ мнѣ выразить мою неизреченную любовь къ Тебѣ?»

Но Бунинъ, по его собственнымъ словамъ, «изъ тѣхъ, которые, видя колыбель, не могутъ не вспомнить о могилѣ», и потому сквозь торжественную пѣснь безмѣрнаго счастья пробиваются ноты безпредѣльной тоски: страстно хотѣлось бы «жить такъ безъ конца» въ этомъ «прелестномъ и непостижимомъ мірѣ», гдѣ все — «истинно Божіе дыханіе», гдѣ такъ много «радости, новизны и красоты», а гдѣ-то въ глубинѣ души слышится безотвѣтный вопросъ:

«Неужели въ нѣкій день все это, мнѣ уже столь близкое, привычное, дорогое, будетъ сразу у меня отнято, — сразу и уже навсегда, навѣки, сколько бы тысячелѣтій ни было еще на землѣ? Какъ этому повѣрить, какъ съ этимъ примириться? Какъ постигнуть всю потрясающую жестокость и нелѣпость этого? Ни единая душа, не взирая ни на что, втайнѣ не вѣритъ этому. Но откуда же тогда та боль, что неотступно преслѣдуетъ насъ всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящій день, часъ и мигъ?».

Что сказать объ остальныхъ произведеніяхъ сборника? Почти всѣ они, каждое по своему, особенно *Notre Dame de la Garde* и **Въ саду,** хороши, но въ сосѣдствѣ съ такими жемчужинами, какъ **Солнечный ударъ, Ида, Цикады** и **Воды многія** они теряютъ и не производятъ такого впечатлѣнія, какое отъ нихъ получается при чтеніи въ отдѣльности.

Н. Кульманъ.